

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

НА ВОЗВРАТЕ

ДЫХАНИЯ

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

**НА ВОЗВРАТЕ
ДЫХАНИЯ**

ИЗБРАННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

МОСКВА ВАГРИУС 2004

СОДЕРЖАНИЕ

В РОССИИ
(1994—2003)

НА МАГАДАНСКОМ АЭРОДРОМЕ	473	7.8.
ВО ВЛАДИВОСТОКЕ	474	7.8.
ВЫСТУПЛЕНИЕ В НОВОСИБИРСКОМ АКАДЕМГОРОДКЕ	475	7.8.
РЕЧЬ НА ВОКЗАЛЕ В МОСКВЕ	487	7.8.
ВСТРЕЧА В РОСТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	490	7.8.
РЕЧЬ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	502	7.8.
О ЧЕЧНЕ	520	7.8.
ЖЁЛТОЕ КОЛЕСО	526	7.8.
ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ПО МЕСТНОМУ САМОУПРАВЛЕНИЮ	535	7.8.
ИЗ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ БЕСЕД		
НА 1-м КАНАЛЕ	543	7.8.
ВЫСТУПЛЕНИЕ		
НА ВСЕРОССИЙСКОМ ЗЕМСКОМ СЪЕЗДЕ УЧИТЕЛЕЙ	560	7.8.
ВСТРЕЧА В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	567	7.8.
ДОКЛАД НА IV РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЯХ ПРИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ	580	7.8.
К НЫНЕШНЕМУ СОСТОЯНИЮ РОССИИ	594	7.8.
ИЗ ИНТЕРВЬЮ ТЕЛЕКОМПАНИИ НТВ	604	7.8.
ЛИЦЕМЕРИЕ НА ИСХОДЕ XX ВЕКА	611	7.8.
ИСЧЕРПАНИЕ КУЛЬТУРЫ?	616	7.8.
О БАЛКАНСКОЙ ТРАГЕДИИ	623	7.8.
НАУКА В ПИРАТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ	625	7.8.

ВСТРЕЧА
В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

13 сентября 1995

За 20 лет, что я жил за границей, я напечатал 20 томов собрания сочинений, и они до России почти не дошли. У меня 3 тома публицистики, где затронут множество вопросов исторических, публицистических, политических, нравственных, — всевозможных, языковых, вопросов искусства и культуры. Они здесь ещё не изданы, и их ещё почти никто не читал. Невольно я сейчас попадаю в такое положение, что должен снова и снова отвечать на вопросы, о которых я писал 20, 15 и 10 лет назад. Или вот совсем недавно, только что, выступал по телевидению, подробно говорил, — но одни слышали выступление, а другие не слышали. У нас сейчас разорвано культурное пространство. Мы сейчас ещё держимся как общая одна страна, но культурное пространство у нас уже разорвано. И поэтому книги не идут, журналы не идут, сведения не доходят, — это всё очень усложняет дело.

Один из важнейших, по-моему, вопросов, который здесь поднимали, — о том, что нам надо знать историю, по-настоящему знать, и особенно — историю своей родины. Должен сказать, что я с величайшим огорчением обнаружил: наш народ сейчас, и вплоть до высшей московской интеллигенции, почти сплошь, — истории своей не знает. Были избранные темы, которые последние 70 лет можно было сколько угодно изучать, знать, например эпоху Пушкина и декабристов. Ну сколько угодно! Здесь вы увидите книг — тома, тома, десятки, целые полки, — это было разрешено. А переход из XIX века в XX и начало XX века — как съела жаба какая-то, не знают!

Я занимался как раз Двадцатым веком, двадцать лет занимался исключительно истоками и историей российской революции и роковыми месяцами 1917 года, и смею заявить: у нас никто, почти никто, редкие единицы знают историю 17-го года — месяц за месяцем, неделя за неделей. А между тем эти месяцы решили судьбу России и мира. Не знают. Я уж не говорю о древней нашей истории. Вот эту протяжённость нужно всё время иметь в виду, все 1100 лет, независимо от того, историки или не историки, кто бы вы ни были. Правильно, тут верно говорили: если мы не будем знать нашей истории, ничего мы не поймём в нашем настоящем и будущем. И я сейчас, историк я или не историк, но каждое явление, которое вижу в современности, я понимаю только в контексте всего исторического процесса. Иначе оно для меня не имеет самостоятельного смысла.

Ещё, в последнее время, я написал статью «Русский вопрос» к концу XX века» — она уже больше года как опубликована в России, но благодаря нынешней культурной разобщённости страны мало достигла читателя. Там сделан и краткий обзор русской истории за четыре столетия — но только в узком аспекте, лишь в двух отношениях: каковы были внутренние силы нашего народа и как романовская династия использовала народные усилия, как безумно тратили народные усилия на ненужные России цели. Столетие за столетием. Мы устали уже к концу XVII столетия — дайте отдышаться народу! Нет, Пётр, Анна, Елизавета, Екатерина, — мы участвуем в европейских играх! Мы ещё больше устали к концу XVIII столетия — нет, мы продолжаем участвовать в европейских играх. И весь XIX век всё то же, и японская война, и всё нам нужно было везде. И вы не думайте, что Россия всё время завоёвывала, — нет, ещё глупей. То есть, конечно, и завоёвывать глупо то, что не надо, но ещё глупей просто так участвовать в иностранных играх. Английский король очень хочет сохранить своё княжество Ганновер в центре Европы. Какое наше дело? А 30 тысяч несчастных наших пехотинцев топают через всю Европу выручать английского короля, чтобы у него на континенте было своё княжество. И таких примеров много. Там вы прочтёте, это всё ужасно.

Вот и Столыпина здесь сегодня коснулись. Столыпин имел отношение к Саратову, и Саратов к Столыпину. Я им очень много занимался. Почему я стал писать о Столыпине? Потому что это один из самых оболганных и в то же время — один из величайших государственных деятелей России и, несомненно, самый великий наш государственный деятель в XX веке. Это был истинный либерал, он хотел всего достигать эволюционно. Его проклинали и справа и слева, и уничтожили встречным непризнанием справа и слева. Он произвёл величайшую реформу для крестьян. А просвещённая Государственная Дума три года — три года! — держала его реформу, душила, не пропускала. Столыпин при жизни подвергался ненависти и травле с обеих сторон. Дворцовые круги и консервативные его ненавидели, и демократические, радикальные ещё больше ненавидели. Правые придворные круги наушничали царю: снимай Столыпина; и наконец террорист, воспитанный в революционном духе, взялся и убил его. И после этого на похороны Столыпина приехать — считалось постыдным, или по крайней мере неприличным. А когда произошла великая, превеликая Февральская революция, которая определила всё наше падение дальнейшее, от чего всё покатилося, — то первое действие, совершённое в Киеве, было — свалить памятник Столыпину. А когда я лет пятнадцать назад начал активно печатать материалы о Столыпине, восстанавливать его имя, то на Западе переполох поднялся: «реакционная сила, душитель, столыпинский галстук», русский народ, мол, говорил: «столыпинский галстук». Да русский народ и слова «галстук» не знал, врать не надо. Это изобрёл кадет Родичев, депутат Государственной Думы, он был залиvistый элоквент, он выскочил на трибуну и произнёс «столыпинский галстук», показывая рукой петлю на шее. А Столыпин тут же, в перерыве заседаний, прислал ему своих секундантов и предложил дуэль. Родичев струсил и принёс извинения. Вот и весь эпизод. И народ никогда не говорил «столыпинский галстук», это пропагандисты революционные так втолакивали 50 лет потом. А Столыпин сумел за 6 месяцев Россию из полного хаоса вывести

прямо к развитию, к лучшему развитию, ибо с 1906—07 по 1914 — это вершинное развитие России, вообще когда-либо. Как мы преуспевали в сельском хозяйстве, в промышленности, в общественном отношении, в чём угодно. Только сегодня Столыпин вдруг стал расхожим объектом признания: да, Столыпин — величайший русский деятель XX века. Так оно и есть. И если у вас поставят памятник Столыпину или улицу назовут его именем — я буду чрезвычайно и много рад.

Тут говорили — мы не готовы к свободе. Вот потому-то, друзья мои, и не готовы, что мы истории своей не знаем. Характер всякого народа меняется от эпохи, от обстоятельств социальных, географических и других. Так и характер русского народа — он менялся. И в Смуту мы были другим народом, в Смуту XVII века. Мы были чрезвычайно самостоятельным, инициативным народом. И когда у нас переमेжались самозванцы, бояре сбежали — кто к самозванцам, кто к полякам, царей не осталось, поляки пришли, заняли Москву, Россия была абсолютно обезглавлена и по ней шёл хаос и разбой, — в России нашлись оздоравливающие, самоспасительные силы. В это время отдельные посёлки, отдельные маленькие городишки стали слать гонцов друг к другу, сносились, объединялись, начали создавать движение спасения России, создали ополчение, нашли для него деньги, нашли полководца, тут было наше Поморье — самая свободная часть России, гордость наша, не случайно Ломоносов отсюда. И освободили Россию, и установили настоящее крепкое государство. Мы сделали это сами. В это время и первые цари наши — Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович — о-о-о, как они считались с Земскими Соборами. Земские Соборы влияли, влияли решительно на всю государственную политику. И когда Земский Собор предлагал решение — часто единогласное — царь не имел права его не принять. Просто принимал, и всё. А если было два-три мнения — два-три, а не 250, как у нас сейчас партий, — то царь выбирал из них и аргументировал, почему он выбрал это, а не другое решение. Вот такова была наша Россия. А дальше начался петербургский период, в который, с горечью надо

признать, подавлялась инициатива народа и безумно истрачивалась его сила — на безнадобные цели. Вы думаете — на завоевания? Нет, на завоевания меньше всего. Да Сибирь мы взяли одним богатырским движением, там война была только с татарским царством на Иртыше, а потом и войны не было. Шло могучее — не так, как громили и сжигали индейцев в Америке, — могучее освоение Сибири, и Аляски, и северной Калифорнии, и всё это за одно столетие. И почитайте историю Сибири, даже советскую, 5-томную, почитайте, какие, уже к концу XVIII века, были в Сибири учебные заведения, какие направления развивались, как учили людей. Гигантские, гигантские подвиги.

Да, конечно, мы вели и излишние завоевания, ясно. Мы же считали, что не можем покинуть без помощи христианские народы, где-либо на земле. Если Грузия, Армения просят помощи — идём! Грузинский царь у Бориса Годунова просил помощи. Боже мой, Борису Годунову в тот момент только этим заниматься. Послал отряд, под Дербентом его разбили. Но всегда мы знали: Грузию мы должны спасать, Армению мы должны спасать. И действительно, пошли на помощь, подвели войска, спасли их от мусульманского нашествия. Это поставило нас в необходимость потом вести 50-летнюю Кавказскую войну, которую мы могли бы не вести, и обойтись без Кавказского хребта, а казачьи линии шута держали бы горские набеги, — но нет, мы взяли, мы взяли всё тянуть на себе.

А после трёх столетий петербургского периода у нас был кошмарный 70-летний период, советский. Большевики уничтожали народ не просто, как косят траву, подряд, кого попало, — нет, выбирали самых умных, самых инициативных, кто язык развяжет, кто протестует, кто ищет справедливости, кто умён, — вот этих выбирали. Сознательно уничтожали лучших. И нужно сказать — величайшее чудо сегодняшнего дня, обнаруженное мною реально, когда я после 20 лет изгнания стал на Владивостокскую землю и потом ехал до Москвы, а потом опять, до Кавказского хребта и по областям Средней России, — величайшее чудо, что, несмотря на всеуничтоже-

ние русского этнического материала, он остался. Сколько людей, молодых или среднего возраста, — умных, инициативных, талантливых, ищущих применения. Часто им руки отбивают — администрация, или обстоятельства, или нужда. Но этот материал человеческий — есть, и он-то один и внушает нам надежду, что мы — не погибший народ, что мы встанем и выпрямимся, если найдём правильные пути для этого.

Да, мы к свободе, конечно, не привыкли, и за 300 лет петербургского периода, и за 70 лет советского. К свободе трудно привыкать. И трудно понимать друг друга: после десятилетий принудительного единомыслия оказалось, что мысли наши разбрелись на 77 дорог, мы как будто уже не соотечественники, не люди одной страны, мы все говорим разное. И нам нужно искать общения, все виды общений, чтобы друг друга убеждать, а не механическим голосованием давить.

Это механическое голосование, которое мы заимствовали у Запада, — оно у нас сколько-то просуществует, однако это не общерусская, не древнерусская манера, вот земство как раз не им руководилось. Механическое голосование — это количественное голосование. Не вам, студентам университета, говорить, как различаются в ранге количество и качество. Количественное голосование: каждому один голос. Умудрённый жизненным опытом старик — и абсолютный сопляк; человек высокой квалификации — и юнец, который ещё ни к чему не приложил руки; человек честный, добросовестный — и последний жулик, — каждый имеет один голос. И так мы это приняли, и в нашем уродливом парламентаризме это есть, и будет пока существовать, и неизбежно сегодня с этим считаться.

Тут меня упрекали, что я разрушал диполосный мир. Я согласен этот упрек принять: в том смысле разрушал, что, находясь в СССР, не боялся, когда головы секли, говорить о коммунизме всё, что я думал. А когда меня выслали на Запад, то, не боясь того, что нахожусь на американской земле, на их земле, я говорил всё, что думал, — о западной жизни, об Америке. И там находились такие, что писали жирными заголовками: пошёл вон, ес-

ли тебе не нравится наша страна! убирайся в СССР! Да, я разрушал диполосный мир. Но он и не должен быть диполосным. Он должен быть многополосным. Он имеет право на высокое и объёмное многообразие. Вот эти разговоры: «правое», «левое», — я их не принимаю, я просто вообще не понимаю, «правое-левое», в нашей стране даже запутались теперь, кто правый, кто левый; вот за это время переменялось: кто были «правые» — они уже «левые», и наоборот. Это всё — в плоскости, а надо мыслить в трёхмерном, четырёхмерном измерении.

О реабилитированных. Здесь выступало сегодня несколько человек, в прошлом репрессированных, говорили они на разном уровне, некоторые только о себе, другие об общей проблеме. Ну, что сказать... У нас закон о реабилитации, как большинство законов, — на бумаге. В иных случаях, чтобы получить компенсацию, нужно иметь семь пядей во лбу или невероятное, сказочное везение. Например, если ты был раскулачен, докажи, что у тебя была действительно отобрана хата 65 лет назад и две коровы, вот справку принеси, найди такую справку сейчас. А если сослали крестьянина, и с ним сына семилетнего и девочку пятилетнюю, вся жизнь их искорёжена, отец умер давно, а им теперь говорят: да, вы пострадавшие, но косвенно, не того порядка, не вас же сослали. — Да как не сослали, нас с родителями и сослали, мы ещё дольшую, ещё худшую жизнь провели! — Справку, справку, справку... Ждут, чтобы все репрессированные вымерли, и никому бы ничего не платить. Не лучше дело обстоит и с бывшими зэками. Что у тебя инвалидность получена на лагерном производстве — принеси справку из лагерной больницы, которая не существует уже 30 лет.

Всё это, да, переключается с вопросом о покаянии или раскаянии. Да, ещё в 74-м году, 21 год назад, в самиздатском сборнике «Из-под глыб», в статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», я призывал, писал, что по-настоящему нация может очиститься, очистить душу свою через раскаяние. А — есть национальная душа. И мы несём груз предков,

и свой груз передаём потомкам, это не просто личная ответственность.

А дальше наступил у нас светлый век гласности, и я продолжал призывать к покаянию, к раскаянию, — и было кого. Были, и сейчас всё ещё есть, — прямые палачи, кто расстреливал, — и ничего, живут на персональных пенсиях; и те, кто были просто тюремщиками; и те, кто доносили; и те, кто просто голосовали на парткомах за несправедливые решения, — множество таких. Кто из них покался? Приехал ко мне Говорухин в Вермонт, брат интервью. Я говорю: пока не будет покаяния — не очистится атмосфера в нашей стране. Он рассмеялся мне в лицо: да не будет никогда! И оказался прав. Нет, не будет. Ну что ж. Могу только сказать — в 1991 году был момент, в конце августа, когда могло начаться наше оздоровительное движение. Но тут же выкрикнули лозунг: «не надо охоты на ведьм!» Первые наши радикал-демократы кричали: «только не охота на ведьм!» Ну, не надо. Так ведьмы укрепились — и пошли снова на нас. И мы живём в атмосфере смрадной, мы взяли с собой всех нераскаявшихся и понесём их до смерти в нашей среде, и многих на высоких постах, и так будет удлинён наш путь, в нравственном отношении на 20—30—40 лет, и никуда не денешься. Да, покаяние нужно, и именно личное. Хотя в аппарате насилия участвовало, скажем, 10 процентов, но из остальных 90 процентов — сколько проходили мимо, видя несправедливость, видя, как топчут людей, и молчали, чтоб только сохранить себя и свою семью. Их не обвинишь, но сказать, что у них чиста душа, тоже не скажешь. А у кого-то — и чиста.

Сейчас на встречах, я слышу, говорят: какой был рай, вот раньше все 70 лет был рай. Я спрашиваю, сколько вам лет? Выясняется: 50, 45 или 40. А я — со середины 20-х годов помню всё. Я помню неповторимую — уже жестокую — атмосферу середины 20-х годов. Я помню кошмарное начало 30-х годов, которое казалось смертью мироздания, обвалом нормального мировосприятия. Рушились все представления о человеческих отношениях. Вот тогда — 15 миллионов выселяли лучших крестьян, кор-

мильцев, хлеборобов, бросали на телеги в мороз двухлетних, трёхлетних младенцев с семьями и высылали. И мне кричат из аудитории: то было время войны! Когда, говорю, войны? в 30-м году? Ошалели. Вот так мне ответили: «то было время войны!» На войну списали. А — после войны? А в 48-м году? Кто из вас слышал — я спрашивал во всех аудиториях — кто из вас слышал о секретном указе Сталина в 1948 году: женщин, ибо мужчин не осталось в колхозах, женщин, не выполняющих норму трудодней, ссылат в Сибирь! Никто не слышал. Правильно, мы его опубликовали только два года назад в нашей серии «Исследования новейшей русской истории» (в сборнике документов «Крестьянство и государство»). Никто не слышал, и никто не знает. Была замечательная райская жизнь.

Спрашивают, как я отношусь к сегодняшним властям. Кто слышал мои вступления систематические по телевидению — знают: похвальных слов от меня ни сегодняшние властители, ни обстановка не получили, как не получали и прошлые. Три дня назад в Самаре на телевидении была передача: я отвечал на телефонные вопросы зрителей. Меня спрашивают: ну вот придут коммунисты к власти, как вы будете себя вести? А я говорю: а так же. Вот как я вёл себя до изгнания, при коммунистах, как я вёл себя сейчас, после возвращения, так пойду и дальше. Буду говорить то, что думаю, что мне кажется полезным для страны, — пока мне рот не заткнут, пока передачи мои не удушили. Я в них говорю большей частью и в основном — о наших пороках, о беззаконии, о промахах, о несправедливостях. И предлагаю ряд конструктивных путей. Что делать с землёй, с образованием, с профсоюзами, как исправлять избирательную систему, как развивать земство, народное самоуправление, — вот это всё нам нужное.

Тут записка, спрашивают: по «Архипелагу ГУЛагу», если бы вас в архивы допустили? Ах, да, если бы допустили. Архивы чуть-чуть приоткрыли в 1991 году, испугались, — и тут же прикрыли. Всё, конец! нету! И дальше, что ни спросишь, — «сожжено за отсутствием исторического интереса», — понимаете, сожжено. Архивов так быс-

тро не откроют. Для этого нужны очень большие, глубокие общественные изменения. Я просил показать мне 100 томов моего дела — как за мной следили в течение многих лет, — «сожжено за отсутствием исторического интереса», вот так.

Когда спрашивают, что же молодёжь наша может делать, скажу: молодёжь должна быть в первых рядах установления народного самоуправления. По 12-й статье нашей Конституции — статья существует уже 2 года и не действует — народное самоуправление гарантировано, и оно не входит в систему государственного управления, так написано. Я сейчас езжу, главным образом, по тем областям, где есть опыт земства или начала земского движения. Нынешняя наша система выборов — это всё та же количественная система, и она не помогает выстроить народное самоуправление. Народное самоуправление в России строилось по *качественному* признаку и называлось земством, это слово существует уже шесть веков. Земство действовало ещё до Иоанна Грозного. Потом оно работало, и совсем неплохо, в александровское время. Кто-то из историков здесь упомянул, что земство имело недостатки, — правильно, и бывало на него административное давление, правильно. А надо стремиться, чтобы земство было абсолютно внеполитично, внепартийно и вненационально. Это — самоуправление всего населения данной местности. То есть каждый, к какой бы нации ни принадлежал и каких бы убеждений ни придерживался, входит в земство ради блага своей местности, ради повышения качества жизни, и работает в нём, но ни в коем случае не как представитель своей партии; он может быть и оставаться — это его частное дело — членом своей партии, но партийных целей в земство не вносить. И в наше александровское земство не вносились партийные дразги до самой роковой войны 1914 года. Так вот, земство строится по *качественному* признаку, это значит так: на низшем уровне, вот, например, в Самарской области, выбрано больше тысячи сельских старост. Сельские старосты выбираются количественным голосованием, потому что в сёлах единообразное население. Волостные правления (волости — это

сельсоветские округа) тоже могут выбираться так, на волостных собраниях. Но уже в районе так выбирать нельзя. В районах, и в малых городах, и в частях больших городов нам надо научиться, продолжая русскую традицию и воспитывая себя, — как создавать представительства по *качественному* признаку, то есть чтобы представлены были все социальные группы и все профессиональные интересы, существующие в данном районе, в данной местности, — учителя, инженеры, железнодорожники, чиновники, рабочие, врачи, пенсионеры, — и представлены были бы не формальной пропорциональностью своей численности, не прямым количеством голосов, нет, не так, — а сложным учётом интересов каждой группы и вклада её в строительство местной жизни, так, чтобы никто не был обижен несправедливо. Так и в самом земстве выборные должны приходить к решениям не арифметическим подавлением друг друга, а взаимным убеждением. Земство будет строиться долго, долго, и упаси нас Бог возлагать на него политические задачи — тогда оно просто станет ещё одной партией, а у нас сегодня, по последним данным, — уже 250 партий. Это партии-болтуны, это партии, не имеющие никаких корней в нашей истории, никаких корней в провинции, созданные на московских кухнях и уже выторговавшие себе 50% мест в Государственной Думе. Это обман народа, это несправедливость, потому что, если кто-то вскопал в партию, — он сразу имеет преимущество на выборах перед простым кандидатом, преимущество ничем не оправданное и никаких благ избирателям не несущее.

Спрашивают — кому будет принадлежать XXI век? XXI век не надо рисовать благополучным. Когда кончался XIX, начинался XX — все думали: XX век будет век великого расцвета. Вы видите, какой он был, XX, — волчий век. XXI — может оказаться не слаще. На Западе изобилие, да, всё великолепно, всё достигнуто. Запад процветает — да, материально. Но души, души людей опустошаются и изнеживаются. А XXI век — будет век страшного конфликта между так называемым Третьим миром, большинством человечества, и так называемой белой расой. Будут

тяжёлые события. Это всех коснётся, и если мы не достигнем роста души, без крепости и чистоты души — мы все, человечество, погибнем.

И здесь я возвращаюсь к тому, с чего началась у нас сегодня беседа: что без духовного целения ран — невозможно и экономическое выздоровление, ибо без духовного очищения мы будем просто волки, волки, перегрызающие друг другу горло.

О Церкви здесь много говорили критического. Повторю: а назовите хоть одно явление в нашей стране, которое было бы сегодня не изуродовано. Как Церкви не быть изуродованной после 70 лет? Напротив, надо удивляться, что в ней сохранились здоровые силы, и среди мирян, и на разных ступенях иерархии. И в Церкви нашей есть подвижники, есть люди, из последних сил восстанавливающие храмы, и вновь населяются монастыри, — это ли не движение? Конечно, всюду есть недостойные, а где их нет? Всяду есть. Да, видеть их в Церкви — большее всего. Но мы избрали себе самый тяжкий, самый кривой, самый мучительный путь, — не очистившись духовно, продвигаться в будущее. Мы его избрали, по нему и пойдём.

О моём отношении к религии вообще? — Будучи православным и, шире говоря, христианином, я считаю религию высшим духовным даром, который может быть дан человеку. И только по несчастным обстоятельствам, искажённой эпохе, искажённой жизни, — люди иногда лишаются религии, теряют эту высшую связь. А религия — само слово — связь, связь с Высшим, с Вышним. Я глубоко сочувствую тем, кто эту связь потерял. Конечно, это совсем не значит, что атеист обязательно безнравственен. Есть атеисты высоконравственные — по душевным свойствам своим, по своему душевному строю. Атеист может быть и просто праведником. И всё-таки высший свет — отсутствует для него. Но нам сегодня больше всего нужно подняться сперва на нравственный уровень, а потом на религиозный.

Спрашивают: «Откуда вы черпали жизненные силы, какая вера вела вас по жизни?» — Я верил в то, что я служу России. И: что я делаю — поможет русской исто-

рии. И это давало мне постоянный заряд. Ещё и — любовь к литературе. Это давало мне пружину, постоянную пружину, которая меня двигала. Мне не нужно было никогда, я не помню случая за все годы моей жизни, за все 76 лет, чтобы я себя принуждал к работе, которую делаю. Мне принуждения не надо, и я не нуждаюсь в отдыхе. Просто всегда работаю, постоянно. Я думаю, что в этом и сила.

Встреча в Саратовском университете (13 сентября 1995). — Одна из многих встреч Солженицына во время его поездки осенью 1995 по Приволжским областям. Встречи эти происходили с людьми разных профессий, в больших и малых аудиториях, — не только в Пензе, Самаре, Тольятти, Саратове, но и во многих районных центрах. Текст этого выступления впервые полностью напечатан в кн. «По минуте в день», М., 1995.